

Д. Д. ШАМРАЙ

Ф. ЭМИН И СУДЬБА РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОSOBA

В 1768 и 1769 годах в Петербурге вышли три тома «Российской истории» Ф. Эмина. Титульная страница этого издания была очень многословна и содержала обещание закончить весь труд изображением цветущего состояния империи при Екатерине II. Однако своего намерения автор не выполнил: в 1770 году он умер.¹

Рукопись «Российской истории» принималась к печатанию в типографии Академии наук на положении частного заказа, первые три тома были оплачены, по распоряжению Екатерины II, в громадной сумме 3119 руб. из средств Соляной конторы, т. е. изданы за счет Кабинета.²

Это не известное прежде обстоятельство побуждает внимательнее отнестись к забытому труду Эмина. При самом печатании было сделано совершенно необычайное исключение: Эмину выдавались прошедшие корректуру чистовые листы в количестве восемнадцати экземпляров, хотя за несколько месяцев перед этим было установлено в Академической типографии твердое правило, чтобы от каждого приготовленного к печатанию листа делалось лишь по одному пробному предварительному оттиску для наборщика, для корректора и для самого заказчика. Однако 17 января 1768 года, т. е. по окончании печатания первого тома, Академической канцелярией было приказано наборщику Сидорову дать за свою подписью справку о том, сколько было отдано переводчику Эмину и по чьему приказу из напечатанных в типографии экземпляров сочиненной им «Российской истории». Наборщик Сидоров (он же фактор новой типографии) ответил следующее: «Помянутым переводчиком Эминым брано „Российской истории“ каждого в печать отпущенного листа на александрьевской бумаге по 4 экз. и на простой по 14 экз., объявля словесное приказание, что-де мне от господ присутствующих Академической комиссии велено оное число брать для раздачи во оной с ним трудившимся».³

Совершенно ясно, что в числе лиц, покровительствовавших либо содействовавших выходу «Российской истории», были особы очень высокого

¹ Смерть Ф. Эмина в апреле 1770 года оказалась совершенно неожиданной для его немногочисленных друзей. Они ничего не сообщают о болезни Эмина, но засвидетельствовали, что ему не было поставлено намогильного памятника. Так поступали, как известно, при захоронении самоубийц.

² ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 308, лл. 157 и 158; д. № 322, л. 102.

³ ААН, ф. 3, оп. 1, д. 308, лл. 159.

положения, для которых собственно и назначались четыре оттиска на александрийской бумаге. Поэтому понятно, что никаких взысканий на фактора Сидорова не было наложено, и не было сделано никаких новых разъяснений.

Из этого можно сделать вывод, что исторический труд Эмина был не простым, очередным литературным его начинанием. В различных местах своих предисловий и в примечаниях Ф. Эмин называет несколько лиц, которые с самого начала помогали ему советами, рукописными материалами, а может быть и редактированием.

Мы не можем указать с должной обоснованностью, кто именно получал полистно оттиски этого произведения. Сам Эмин называет полковника А. А. Дьякова,⁴ интересовавшегося историей России, но не имевшего литературного имени, а также разностороннего П. С. Свистунова, участвовавшего во всех театрально-музыкальных предприятиях «малого двора» Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны в Петергофе и позднее видного сторонника Екатерины.

В своей «Российской истории» Эмин неоднократно высказывает критические замечания по адресу Ломоносова как историка. Приводить все выпады Эмина против Ломоносова мы не будем. Отметим лишь, что Эмин совсем незадолго перед этим в своем памфлете «Сон под новый 1765 год» отзывался о великом писателе гораздо лучше. Значит, господствовавшее при дворе неприязненное отношение к Ломоносову в сильной мере повлияло на Эмина.

В предисловии к первому тому «Российской истории» Эмин сообщил следующие важные сведения, касающиеся Ломоносова: «Сей муж был предприимчив и высоких мыслей; но при всем том издал в свет в 1760 году весьма краткую и темную Российскую летопись, а древней Российской истории, давно им собранной, издать не осмелился, и сим похвальным его трудом уже по кончине его мы пользуемся. Древняя российская история довольно им пространно описана. Хотя, впрочем, в ней немало несходств, может статься, для того, что время господину Ломоносову не дозволило разбирать множественные один другому противоречащие списки; а сличить оные, может быть, не было с чем; однако же господин Ломоносов отворил мне путь к поправлению своей истории, к дополнению и к продолжению оных».⁵ Из этих слов Эмина можно заключить, что в распоряжении Эмина находились неизданные рукописи Ломоносова. Каким образом они попали в руки Эмина, нам не известно. Однако можно предположить, что рукопись Ломоносова была передана Эмину из опечатанного по распоряжению Екатерины II архива покойного писателя.

По-видимому, результатом использования обработанной рукописи и рукописных материалов из ломоносовского архива была необыкновенная быстрота опубликования «Российской истории...» Ф. Эмина, а именно: первого тома в январе 1768, второго тома в феврале 1768 и третьего тома в октябре 1769 года.

Для предотвращения недоумений напомним, что титульный лист «Древней российской истории» Ломоносова не принадлежит автору и что указанный на титульном листе конечный 1054 год исторического изложения (кончина Ярослава I) не означает конца рукописи Ломоносова: последняя,

⁴ Отец второй жены Г. Р. Державина, жены Н. А. Львова и жены В. В. Капниста. — *Прим. Ред.*

⁵ Ф. А. Эмин. Российская история, ч. I. СПб., 1768, стр. 4—5. — Разрядка наша, — Д. Ш.

140-я, страница печатного текста заканчивается словами «конец второй части», а в нижнем правом углу ее находится кустод «часть», т. е. это означало, что далее будет идти третья часть.⁶ Напомним также, что «Древняя российская история» Ломоносова начата была печатанием еще при его жизни, а доканчивалась уже после его смерти. Что в руках Эмина было продолжение рукописи Ломоносова, видно из того, что на последней странице третьего тома «Российской истории», сообщив о смерти в 1213 году Всеволода III после кратковременной болезни, Эмин в сноске указывает, что, хотя у Никона болезнь эта описана как продолжительная, но Ломоносов согласен со Стрыйковским и Могилою, которые болезнь описывают кратковременной.

Так как в «Кратком Российском летописце» совсем нет никаких сведений о болезни упомянутого князя, то этим подтверждается, что объем ломоносовских материалов или его чернового рукописного текста выходил за пределы 1054 года.

В заключение мы отметим, что выпады Эмина в «Российской истории» против Ломоносова были приняты русской общественностью с большим неудовольствием.

Это засвидетельствовал в очень мягкой форме сам же Эмин в предисловии к третьему тому «Российской истории»: «Некоторые мне говорили, что моя история была бы гораздо лучше, если бы я не критиковал г. Ломоносова. Счастливое свойство эха славы!» (стр. VII и VIII).

⁶ Фотокопия 140-й страницы прижизненного набора имеется в Музее М. В. Ломоносова, а подлинный экземпляр хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром 18.340-а.6.29.